

**Муля,
кого ты привез?**

ПИСЬМО

Она его любила.

В чем это выражалось: она всегда по нему скучала. И даже в те часы, когда они спали в одной кровати, взявшись за руки, даже во сне она по нему скучала и тянулась. Ей всегда было мало видеть его, слышать, вдыхать.

Она всегда о нем думала. Он существовал в ней даже тогда, когда его не было рядом.

И третье, основное: она им восхищалась. Это был талантливый оператор, единственный в своем роде. Другого такого не было. Он видел людей и природу иначе, чем все. Каждый кадр, который он снимал, — произведение искусства. Он умел останавливать мгновение. И, глядя на белое безмолвие Севера, на хрустальный ручей или на осмысленную морду верблюда, невольно думалось: велики дела твои, Господи...

Они вместе работали на киностудии документальных фильмов. Он был оператор, она — режиссер. Они вместе ездили на север и на юг, снимали лежбище тюленей и сбор хлопка. Спускались на дно океана в подводной лодке. Ее мучила клаустрофобия. Она не представляла себе, как можно находиться в таком замкнутом пространстве.

Однажды она спросила у капитана подлодки:

— А бывает так, что кто-нибудь нажимает кнопку самоликвидации?

— В каком смысле? — уточнил капитан.

— Ну, хочет покончить с собой и со всеми...

— Что ты глупости спрашиваешь? — одернул Оператор.

— Вовсе не глупости, — сказал капитан. — Случается, не выдерживают тесноты и духоты, сходят с ума. Но один человек не может вывести лодку из строя. Все предусмотрено. Одна кнопка ничего не решает.

Поднимались в небо на воздушном шаре. Она боялась высоты и старалась не смотреть вниз, и все же смотрела. А он ее пугал. Было весело и жутко одновременно.

Работа была разнообразная, интересная. Репортажи получались яркие. И любовь, которая охватила их обоих, как божественный вирус, стояла за кадрами. Фильмы запоминались и не старели со временем.

Он тоже ее любил. За что? За то, что она любила его и ее любовь, как климат в теплых странах, грела, и нежила, и была постоянной.

Еще он любил ее за молодость, свежесть восприятия. И за характер. Ей все нравилось. У нее не бывало плохого настроения. И еще он любил ее за преданность делу. Она не умела и не хотела жить без работы. Для нее жить и работать — это одно.

Он и она — как две половины яблока. Если составить — получится целое. И фильмы у них по-

лучались, как целое яблоко. Ни убавить, ни прибавить.

Единственное НО — это то, что он был женат, а она замужем. Они встретились на жизненном пути несвободными. Вначале это не мешало. Но, по мере того как любовь набирала силу, возникло противоречие между долгом и счастьем. Двойная жизнь стала мучением.

В конце концов они решили разрубить узел. Прийти домой и все сказать. Он признается жене, а она — мужу. Дальше — развод и свобода. А что делать со свободой — будет ясно. Либо они пожениятся, либо останутся любовниками, но так или иначе не будет лжи и предательства.

Жить во лжи — это все равно что спать на грязных простынях.

Решение было принято в кафе, куда они забежали после работы. Они жаждали друг друга, а идти было некуда. А могло быть по-другому: они могли вместе возвращаться в свой общий дом и быть счастливыми.

— Когда? — спросила она. — Сегодня?

— Нет. Сегодня я устал.

— Завтра?

— Завтра у дочери день рождения.

— Тогда в среду.

Он согласился.

Она вернулась домой. Уединилась в своей комнате и написала Оператору письмо. Зачем? Ни за чем. Просто чувства переполняли ее душу и выливались на бумагу. Ей хотелось поведать белому листку все, что чувствовала в эти минуты.

За окном стоял клен, который дотянулся до ее третьего этажа. Она написала про клен.

На ветке сидела старая ворона. Она помнила ее давно, видимо, ворона тут жила. Написала про ворону.

Счастье душило ее, и она ни о чем не хотела больше думать — ни о муже, ни о его родителях, ни даже о маленьком сыне. А что сын? Она заберет его с собой, и все. У Оператора дочь, у нее сын. Будут дружить.

Она написала ему о том, как он чихает. Ей нравилось, как он собирает лицо в мордочку и пырскает, как котенок.

Она написала, какие у него квадратные ладошки и черешневый запах. Чем пахнет черешня? Ничем. Свежестью. И скоро, уже после среды, она начнет вдыхать эту свежесть постоянно, жить в ней, существовать. Счастье...

Наступила среда. Ее муж стоял в прихожей, одевался. Он отпраивался в школу на родительское собрание. Обучение ребенка было на муже. Она на собрания не ходила и уроки не проверяла.

Она стояла и смотрела, как он одевается. Было страшно, как прыгнуть с парашютом в бездну. Страшно, но надо. Потом будет легче.

— Извини, — сказала она. — Я от тебя ухожу.

Он молчал. Заматывал шарф.

— Ты хороший, но мне с тобой скучно.

Он снял с вешалки куртку.

— Мне тридцать пять лет. Когда я думаю, что впереди еще тридцать пять лет такой бурой скуки, мне не хочется жить.

Муж застегнул на куртке молнию и вышел из дома. Хлопнула дверь.

Она набрала ванну и легла в горячую воду. Ее трясло. Нелегко убивать близкого человека.

Среда настала и в доме Оператора. Жена болтала по телефону с подругой.

Обычно его это раздражало. Всюду доносилось журчание ее голоса, как будто в доме мало дел. Одежда раскидана, в кухне полная раковина грязной посуды. Как они будут жить без него? Зарастут.

Жене — сорок лет. Она еще красивая и даже молодая, но сорок лет — ни туда ни сюда. Качественные мужики хотят молодых, чтобы рожали, а некачественные — кому нужны? Большая вероятность, что жена не выйдет замуж, останется одна — нервная, несчастная, будет срываться на дочери. Подранки. Подстреленные девочки. А он в это время должен будет воспитывать ее сына, который, возможно, хороший мальчик, но чужой.

— Ты чего? — подозрительно спросила жена. — Ходишь, как будто у тебя кактус в жопе.

Кактус был в душе. Оператор достал из холодильника бутылку водки и стал пить, сидя на кухне.

Жена стала мыть посуду. Грюканье тарелок, шум падающей воды были кстати. Лучше, чем тишина.

В четверг Он и Она встретились.

— Я свободна, — сказала она.

Оператор промолчал.

- Ты не сказал? — догадалась она.
- Это выше моих сил.
- И сколько это будет продолжаться?
- Не знаю.
- Всегда?
- Не знаю.

Она поняла: он ее подставил. Она прыгнула с парашютом в бездну, а парашют не раскрылся.

Если подумать, можно, конечно, бросить и одного и другого. И мужа, и Оператора. Но муж — отец ее сына, а Оператор — залог ее успеха. Можно, конечно, бросить обоих и найти третьего, но зачем? И для чего?

Все осталось как есть.

Любовь к Оператору стала болеть. К чувству восхищения прибавилось легкое презрение, раздражение и недоверие. Они начали ссориться. Тема была одна: «У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил». И так далее, по кругу.

Оператор стал ее побаиваться. Он знал, что в каждую свободную минуту она поставит свою пластинку.

Муж перебрался в маленькую комнату, и они стали жить как соседи. Сын по-прежнему имел полный комплект родителей, и это оправдывало их совместно-раздельное проживание.

Муж не уходил, ему было некуда. И она не уходила. Ей тоже было некуда. Так и жили, бок о бок. Вместе ели, праздновали Новый год и дни рождения, болели и выздоравливали.

Восемьдесят процентов жизненного наполнения составляла работа. Работа была фонтаном, давала деньги, призы, поездки, людей. Можно сказать, что она была замужем за своей работой.

Сын входил в сложный возраст, ему необходим был отец. Интересы сына ставились выше, чем свои.

Вокруг бушевала чума двадцатого века — наркотики. Сколько молодых соскальзывали в смерть... Необходимо следить за мальчиком, все знать, ничего не упустить. Надо было забыть о себе.

Вопрос: стоит ли забыть о своем счастье ради ребенка? Ответ: стоит. Потому что дети — главная составляющая счастья.

У Оператора родился второй ребенок. Он любил о нем рассказывать. Новый ребенок — это всегда чудо, пришелец из космоса. Оператор не уставал его снимать и показывать в группе. Все шумно восхищались, и было чем.

Семьи не разрушились. Прошли через кризис среднего возраста и устояли. Укрепились.

Каждая семья — не яблоко из двух половинок, а скажем так: половина яблока — половина огурца. Странный гибрид, однако существует.

Он и Она больше не вместе. Каждый по отдельности. Это никому не заметно, кроме них самих. Он — по-прежнему маэстро в своем операторском деле. Она — по-прежнему режиссер, востребованный и конвертируемый во всех валютах.

Успех приносит деньги, деньги приносят свободу и хорошее настроение.

Третий возраст она встретила в хорошем настроении.

У нее был дом в горах Осетии и дом на берегу моря в Болгарии, большая квартира в центре Москвы плюс дача в Подмосковье.

Он и она не общались. О чем говорить? О том, что у попа была собака? Но от собаки ничего не осталось, только скелет, и то неизвестно. Жизнь прошла. Во всяком случае, ее активная фаза. Доходили слухи, что Оператор болеет. Правильно. Надо же от чего-то умирать.

Однажды раздался звонок.

Это был Он. Его голос не изменился. Звучал так же, слегка хрипловато. Голос — инструмент души. Значит, и душа не постарела.

— Знаешь, что было самым прекрасным в моей жизни? — спросил он.

— Откуда же я знаю...

— Твое письмо.

Она вспомнила письмо.

— А... — произнесла она.

А что еще сказать? Только «а»...

— Я чего звоню, у тебя нет копии?

— Зачем? — удивилась она.

— Я хотел взять письмо с собой.

— Куда? — не поняла она.

— Туда. У меня есть выходной костюм, в котором меня похоронят. Я положил письмо во внутренний карман, а оно оттуда пропало.

— Жена вытащила. И порвала, — догадалась она.

— Ну, не знаю. Но я не хочу без письма. У тебя, наверное, есть копия...

Она вдруг вспомнила, что написала это письмо в двух экземплярах: черновик и набело.

— Возможно, есть...

— Поищи, а?

— Ладно. Поищу, — пообещала она.

Письмо могло храниться между старыми фотографиями.

— Найдешь, позвони, — попросил он.

— Сам позвони.

— Когда?

— В среду.

— Договорились.

Настала среда. Ее архив находился на чердаке подмосковной дачи. Лестница крутая. Чердак захламлен. Где там искать? Легче сказать: не нашла. Как писал Куприн: «Обойдется цыганское веселье без марципанов».

Яблоко из двух половин не состоялось, и нечего его восстанавливать метафизически. У истории не бывает сослагательного наклонения. И у судьбы тоже не бывает.

Она ни о чем не жалела.

Со временем поняла, что ее муж имел больше козырей в своей колоде. Он умел переступить через себя во имя любви, и это не меньше, чем кадр белого безмолвия или осмысленная морда верблюда.

Все сложилось так, как сложилось. Судьба права. А может, и нет.

ВСЕ ВРУТ И МРУТ

В моем доме раздался телефонный звонок, и старческий женский голос спросил:

— Нельзя ли услышать Викторию Токареву?

— Это я.

— Здравствуйте, меня зовут Ольга Михайловна. Я хотела бы с вами встретиться.

— По какому вопросу?

Зачем нужна одна старуха другой?

— Это личное.

— Может быть, мы решим это по телефону?

Я живу за городом. Долго добираться, — предупредила я.

— Ничего. Я приеду.

По голосу я определила, что бабке лет сто. Куда она потащится...

— Вы на машине? — спросила я.

— Нет. Я возьму такси.

Ну вот, еще и траты. Я медлила. Бабка не отставала и в конце концов дождала меня. Я назначила ей встречу.

Ольга Михайловна приехала без опозданий. В ее руках была папка.

В полвзгляда я определила: не старше восьмидесяти, со следами красоты, похожа на актрису

Козыреву. Сейчас вряд ли ее помнят: большие глаза, классический профиль. Лицо пятидесятих годов. Одета в самовяз, сама вязала и жакет и юбку. Значит, денег в обрез. Живет на пенсию.

«Бабка» ее не назовешь. Все-таки — дама.

Ольга Михайловна раскрыла папку и показала мне свои фотографии сорокалетней давности и даже рисованный портрет. Скорее всего, поклонник нарисовал.

Далее она рассказала мне, что работала в архитектурном бюро. Архитектор.

Я ждала, когда она озвучит мне цель своего приезда, но Ольга Михайловна тянула. Видимо, смущалась.

Я предложила чай. Мы сели за стол. Я видела: ее что-то мучит.

— Зачем вы приехали? — прямо спросила я.

Не для того ведь, чтобы показать свои фотографии...

— Вы знаете такого актера «К»? — Ольга Михайловна назвала имя и фамилию.

Лично я «К» не знала, но слышала о его нетрадиционной ориентации и даже знала, кто его сексуальный партнер. Эта ориентация без труда считывалась с его облика: хорошенький, жеманный, похожий на девушку. Актер не скрывал своей ориентации, более того — гордился. Сейчас этим гордятся, как высоким происхождением.

Ольга Михайловна смотрела на меня. Ждала ответа.

— Знаете? — переспросила она.

— Ну, так... — неопределенно ответила я. — А что?

— Я его поклонница, — призналась Ольга Михайловна. — Я была на его спектакле, а потом пришла с цветами за кулисы.

— И что дальше?

— Дальше он пошел меня провожать до автобуса. Во время спектакля прошел дождь, натекла громадная лужа. Озеро. А я была на каблуках. Он поднял меня на руки и перенес через лужу.

«Буквально „Бесприданница“», — подумала я.

— Мне кажется, он в меня влюбился. А я в него.

Я поняла, зачем она приехала: выяснить у писателя свои перспективы на счастье.

Я могла бы обнадежить старушку, дескать, любви все возрасты покорны. И что тогда? Ольга Михайловна, вдохновленная моими прогнозами, начнет названивать, приставать. Актер, естественно, будет избегать, прятаться, грубить, и все может кончиться плохо. Старушку хватит удар, и — здравствуй, Константин Сергеевич. (Имеется в виду Станиславский.)

Зачем я буду обманывать человека, тем более она ехала ко мне за тридевять земель.

Я спросила:

— Сколько ему лет?

— Тридцать шесть.

— Значит, у вас сорок лет разницы. Бабушка.

— Ну и что? — не согласилась она. — У меня тонкая талия, тонкие запястья, стройные ноги... Почему мужчинам можно, а нам нельзя?

— Потому что задача любви — размножение, а старухи не размножаются.

— Задача любви — любовь. Душевный взлет.

— Для этого существует свое время. Оно так и называется: возраст любви. Вы его миновали.

— Я вышла замуж рано, но мой муж был «не по этому делу». Он любил меня платонически. Я мирилась. Жила с ним из-за сына. Мы оба с разных сторон обожали своего сына. А теперь, когда моя жизнь кончается, я впервые полюбила. Эта любовь стоит у горла. Я задыхаюсь. Я не знаю, что делать? Помогите мне...

— А внуки у вас есть?

— Есть, девочка.

— Сосредоточьтесь на внучке, — сказала я. — Переключите любовь на семью.

— Вы хотите сказать, что у меня нет шансов? Потому что я старуха?

— Потому что он — гей, — прямо сказала я.

— С чего вы взяли?

— Это известно.

— А почему он пошел меня провожать? Понес на руках? Обещал позвонить?

— Геи тяготеют к пожилым женщинам. С ними спокойно. Можно дружить.

— А с молодыми нельзя?

— Нельзя. Их надо трахать, прошу прощения. А голубые делают это между собой. Женщины ни при чем.

— Что вы такое говорите? — не поверила Ольга Михайловна.

— А почему были уничтожены Содом и Гоморра?

— Почему?

— Вот поэтому. Геи существуют с незапамятных времен. Они были всегда. И есть. И будут.

— В мое время их не было.

— Были. Просто их преследовали и они прятались.